Автор: Новые стихи
09.01.2020 00:24

Примечание: Вуппертальская железная подвесная дорога благополучно функционирует и сегодня. Летом 1951 года из вагона действительно выпал в реку, но остался невредим слон по имени Туффи. Все остальные совпадения случайны, и по мнению автора, являются лишь доказательством тому, что вся литература есть преумноженный сюжет на входе, оборачивающийся уникальным сюжетом на выходе.

Юлия ДОЛГАНОВСКИХ, Екатеринбург (Россия)

Автор: Новые стихи
09.01.2020 00:24

Бронзовый трамвай

1.

Чудесный Город — он страдал, как все —
то там костёр, то здесь пожарище и пепел,

но некто шёл и на подошвах разносил огонь,
при этом сохранял ботинки и ступни
в почти что первозданной чистоте
и целости — не знаю, как,
хотя догадываюсь — впрочем,
догадки столь сумбурны — очаги

ползли навстречу очагам — и встретились —

смерч огненный зажал в огромном кулаке
все пламенеющие языки
невиданных чудовищ, устремлённых
напиться молока небесной матери —
вымеобразной тучи серой.

Чудесный Город пал —

2.

он спал,
но сон не вечен, пусть желанен,
кто ранен — не убит,
а кто убит — тот ранен —

всё зеркало,
всё рифма,

и трамвай
в Чудесном Городе теперь летел под небом —

нет, никаких чудес,
лишь торжество новейшей мысли инженерной —
тринадцать километров над рекой
и три всего лишь сухопутных километра,
но также — в высоте — на подвесной
дороге однорельсовой, держащей
трамвай за крышу — всё наоборот,
всё зеркало,

всё рифма.
Город жил,

3.

окрашенный трамвайным перезвоном,
который призван был к отпугиванью птиц,
не отличавшихся вниманием в полёте.

Но птицы столь упрямы! — и пришлось
назначить целый штат городовых —
речных и сухопутных — для зачистки
открытых мест от птичьих трупов. Люди

привыкли к чёрной неприметной форме,
украшенной нагрудным знаком в виде
двух белых крыльев, и к мешкам заплечным,
набитым чем-то угловатым. Птиц сжигали

на пустыре за Городом. Сверялись
с погодной сводкой, направляя дым
в другую сторону.
... Прошло полсотни лет —

4.

и ни одной аварии на монорельсе. К юбилею
пустили праздничный состав —
три бронзовых вагона, окна
из хрусталя изысканных пород
и золотые поручни в проходах.

Вот в головной вагон ввели слона,
второй и третий приняли людей искусства —
актёров, иллюстраторов — поэтов! —
на отправной платформе сыгран туш —
трамвай качнулся, зазвенел и побежал

в обычный путь по небу, отражаясь
в реке. День выдался на славу —
солнечный и жаркий. На слона
была надета красная попона
с нашитыми кусочками зеркал —

вагон качнулся чуть на первом повороте,
луч солнечный нырнул и оттолкнулся

от зеркальца слоновьего наряда —
и на мгновенье ослепил речную чайку,
летящую наперерез трамваю.

Птица провалилась
в хрустальное открытое окно —
и заметалась в панике, роняя перья,
отчаянно крича и заглушая
трамвайный перезвон. О бедный слон!

Он бросился бежать —
и первым же ударом ног могучих
слон вышиб двери юбилейного вагона —
и выпал в реку.

(Фотографии слона,
трубящего победный туш в реке,
ещё полсотни лет гулять по миру будут,
пока слон жив — потом его забудут —

всё зеркало,
всё рифма.)

Покалеченный вагон
сорвался было вниз, но удержался
за бронзовые пальцы близнеца,
несущего в себе поэтов именитых —

они метались в панике, роняли перья,
они кричали!
Так кричали,
что заглушали и слона, и перезвон
трамвайный, что никак не умолкал —
замкнуло где-то провода, взметнулась искра,
другая, третья — очаги

неслись навстречу очагам — и встретились —

всё зеркало,
всё рифма.

А трамвай —
уже без хрусталя и полный пепла —

5.

бежал по небу —

тринадцать километров над рекой
и три всего лишь сухопутных километра,
но также — в высоте — на подвесной
дороге однорельсовой, держащей
трамвай за крышу уцелевшего вагона —

и так за кругом круг,
и снова круг,
и снова —

без управления, без остановок. Резкий звон
не умолкал ни на минуту,
как будто колокол безумный отправлял
все ритуалы панихиды по искусству,
безвременно ушедшему в огне.

... Живые сдали Город без сопротивленья.
На заколоченных воротах побежали
слегка наискосок два лёгких слова —

«искусства нет» —

неподалёку от ворот
установили траурную стелу
по всем погибшим — и оставшимся — в трамвае.
И в память о виновнике событий —
слоне в его зеркальном одеянье —
на стеле закрепили зеркало, над ним
табличка бронзовела.

Ту табличку
пересекала главная цитата —
строка высокой, самой чистой пробы
любимого народного поэта

(он в списках празднующих был указан,
с тех пор его не видели — решили, что и он
погиб среди товарищей).

... Ещё полсотни лет прошло,
а следом — сотня,

6.

и уже никто
не вчитывался в надпись на воротах
и головы не преклонял у старой стелы,
но однажды,

в день ветреный, тревожный,
запах гари
и солнца ярые лучи принёсший,
к воротам подошёл старик —

в начищенных ботинках,
крепких, новых,
в поношенном плаще и ветхой шляпе,
с мешком пустым заплечным.

Он прочёл
чуть различимые два слова на воротах —
заплакал. На негнущихся ногах
он шёл по направленью к старой стеле
и прикрывал глаза ладонью, зная
что он сейчас увидит.

И увидел.
Смеялся, отводил глаза, и снова
смотрел в глаза себе,
не написавшему ни строчки
с тех самых пор, как получил по почте приглашенье
на празднество небесного трамвая
(в программе был заявлен слон).
Поэт покинул
Чудесный Город до начала торжества.

О да!
Те главные слова,
та эпитафия всему живому
сияла ослепительно на солнце и гласила —

«бессмертья тоже нет».

Старик ударил отраженье —
и хрупкое стекло пород изысканных
осыпалось —

всё зеркало,
всё рифма,
всё осколки слова.

А за воротами звенел трамвай —

7.

за кругом круг,
и снова круг,
и снова —